

В 90-е история ВЧК могла завершиться

Николай ЗАВАДСКИЙ
Фото автора

20 декабря исполняется 100 лет со дня образования ВЧК (Всероссийской чрезвычайной комиссии) – органа безопасности нашей страны. Названия менялись, но суть работы оставалась прежней: стоять на страже национальных интересов страны, защищать ее суверенитет и территориальную целостность, конституционный строй и безопасность наших граждан. О работе спецслужб мы попросили рассказать ветерана органов безопасности, награжденного знаком «За службу в контрразведке», Якова Александровича Минина.

– Яков Александрович, а как вы попали на работу в органы государственной безопасности?

– Я родился в деревне Марьяна Гора Пинежского района в семье, где воспитывалось 14 детей. После окончания пединститута в Архангельске и службы в армии работал учителем в школе поселка Шуйга. И когда в Карпогорах организовывали отделение КГБ, мне после конкурса предложили работу в органах как активисту, спортсмену, местному жителю. Затем я окончил спецшколу КГБ в Ленинграде и начал работать в Пинежском отделении КГБ.

– Неужели в такой глухомани находилась работа для органов госбезопасности?

– И немало! Возьмем разыскную работу. Тогда на Север вербовались бригады на лесозаготовках. И в этом потоке были люди,

объявленные во всеююзный розыск. Например, прислужники фашистов, бесчинствовавшие на оккупированных территориях. Здесь тоже появлялись антисоветские листовки и прочие проявления активности анонимных авторов. Да и иностранные гости нередко наведывались с непонятными целями.

– Вспомните какие-нибудь операции...

– Был случай, когда мы искали анонима, который написал и распространил несколько рукописных листовок с критикой в адрес ЦК КПСС. Установить его личность нужно было хотя бы для того, чтобы узнать: сам додумался или кто надумил. И хотя он старался изменить почерк, найти его удалось. Оказалось, написал после семейной ссоры. Хотел самоутвердиться. Раскаялся, получил предупреждение.

В рамках розыска по ориентировкам из центра одного искал более трех лет. Он был родом из Западной Украины. Во время войны и после нее был в банде Украинской повстанческой армии, которая терроризировала советский актив. Когда нашли, суд присудил ему несколько лет лагерей, хотя он заслуживал расстрела: его руки были по локоть в крови, живых свидетелей его зверств не осталось.

Обеспечивали и безопасность важных объектов инфраструктуры. Однажды узнал, что при строительстве железнодорожного моста через реку была нарушена технология работ: не сверлили отверстия в рельсах для крепления накладок, а прожигали. Такая рационализация могла привести к крушению

поезда на мосту. Мастера, который и не знал о нарушениях, очень строго наказали.

– А где еще вам приходилось работать?

– Во время московской Олимпиады я обеспечивал в Таллине безопасность проведения парусной регаты. А в 1983-м работал в столичном отделении КГБ по Алма-Ате и Алма-Атинской области. Там были и контрразведывательная деятельность против разведки ФРГ, и разработка коррупционных схем, которые выходили на ЦК компартии Казахстана. Через три с половиной года переехал в Березник, а в 1990-м возглавил отдел КГБ в Котласе (пять районов юга области, Корьямму и Котлас). Здесь я проработал до 1997 года.

– Как менялось техническое оснащение сотрудников органов безопасности и какую роль оно играет в решении задач?

– Органы госбезопасности всегда имели на вооружении самые современные технологии. Но они не играют главную роль в решении задач чекистов. Прежде чем следить, слушать, собирать доказательства, нужно узнать: кого искать. А для этого нужны агентурные данные. И здесь побеждает тот, кто умеет убеждать, налаживать связи, создавать агентурную сеть, анализировать получаемую информацию.

Что до высоких технологий, то в лихие 90-е много технических средств попало в руки бандитов. И если сегодня госбезопасности есть что противопоставить оснащению криминала, то поли-

ции порой бывает сложно.

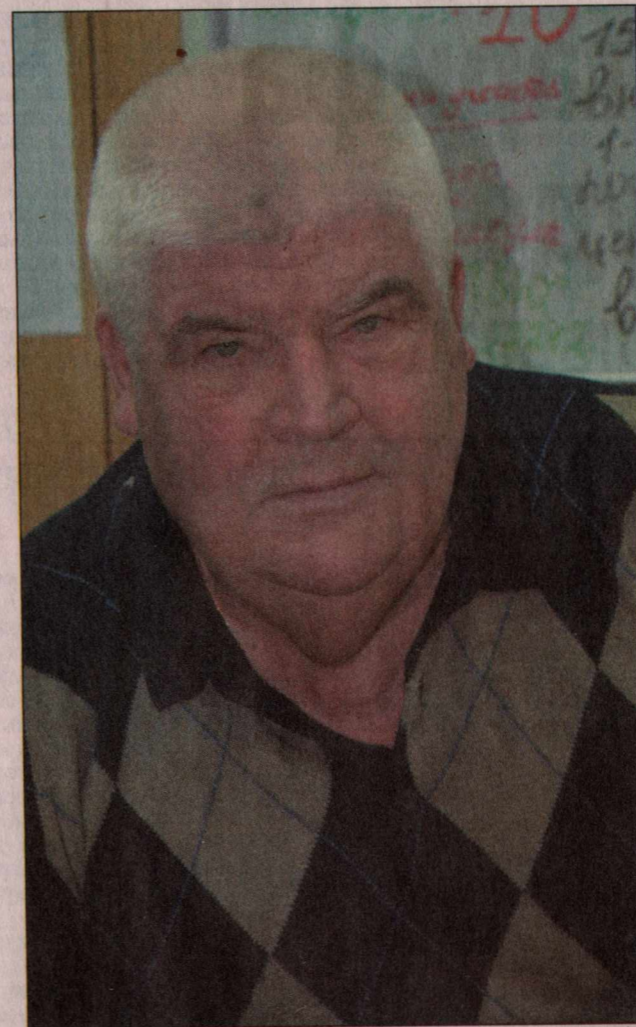
Я начинал, когда использование спецсредств еще не регламентировалось. И когда по закону для «прослушки» стало необходимо получение разрешения суда и прокуратуры, в первое время судьи и прокуроры давали добро, не вникая в дело. Теперь все иначе. Необходимость ограничения права граждан нужно еще доказать.

– А с кем вам еще приходилось согласовывать свои действия? Как вы работали, например, с партийными органами?

– От партийных органов мы работали независимо, предоставляя своему руководству всю информацию о проблемах местного, регионального или государственного уровня. А там решали, кого с чем знакомить. Но стараясь не подставлять партийных чиновников, мы держали их в курсе, давая возможность решить проблему до того, пока сверху что-то прилетит. Известно, что партийные функционеры не любили сообщать наверх о негативе.

– В 80-х мнения о «перестройке» в центре и на окраинах были разными. Знали ли об этом органы безопасности? Предвидели ли они итоги реформ?

– Сегодня многие обвиняют КГБ в том, что мы не смогли предотвратить развал СССР. Но в 90-е под угрозой развала были и сами органы госбезопасности. Их деятельность подверглась дискредитации, формы и методы работы – реформированию. Даже название менялось несколько раз: КГБ-ФСК-МВД-ФСБ. Задача в этот период была – сохранить «контру», так

как профессионалы понимали: заменить службу безопасности ничем невозможно. Но качество работы уже снизилось. Вырос поток в страну разведчиков и агентов.

Не стал исключением и наш регион. Появились религиозные секты, в том числе и запрещенные в стране, о чем мы сообщили нашим православным священникам.

Ухудшилась криминальная обстановка: стали возникать организованные преступные группировки. Закрывались предприятия, пришло в упадок сельское хозяйство. Резко расслоилось общество: рядом с бедствующими из-за задержки зарплат, потери работы гражданами появились очень богатые. Обо всем этом мы со-

бирали информацию и докладывали руководству. Продолжали работу антитеррористической и контрразведывательной направленности.

В 1992 году был факт угона самолета рейса Котлас – Ленинград. Нам сообщили, что пассажир Д. требует лететь в Швецию, в противном случае грозит взорвать самолет. Вариантов решения проблемы было несколько. В том числе и обезвреживание пассажира силами экипажа. Работники досмотра, милиции и служащие аэропорта уверяли, что это провокация, взрывного устройства при досмотре не обнаружено, хулигану нужно брать в воздухе.

Я тогда возглавлял штаб по этой ситуации и решил не рисковать. Угонщика угово-

рили, что топлива до Швеции не хватит, и самолет посадили для дозаправки в Ленинграде. На время дозаправки все пассажиры, кроме угонщика, из самолета вышли, и когда в самолет пошел спецназ, террорист привел в действие взрывное устройство. Самолет был приведен в негодность, но пострадал только угонщик, который скончался в машине скорой.

– Как вы лично оцениваете деятельность руководства КПСС по реформированию государства?

– Я лично оцениваю деятельность Горбачева и Ельцина как предательство интересов нашего государства. Именно их политика привела к распаду СССР и отбросила нас назад на десятки лет.

– Путин назвал развал СССР катастрофой. И в то же время отметил, что «кто не жалеет о распаде СССР, у того нет сердца. А тот, кто хочет его восстановления в прежнем виде, у того нет головы». Что, по вашему, можно было сохранить и от чего безоговорочно отказаться?

– Во-первых, нужно восстановить круг наших союзников, пусть не на идеологической, а на экономической основе. Это дает возможность увязать и развивать «дружественные» экономики и отодвигает от границ России наших потенциальных противников. Во-вторых, необходимо выстроить отношения с западными партнерами. Нынешняя конфронтация – лучшее условие для развития экономических связей, без которых нет будущего.

Не хотелось бы брать из прошлого существование «бессмертных чиновников» высшего звена. Сегодня страной руководит команда, сформированная еще Борисом Ельциным, хотя Владимир Путин мог давно внести изменения в список высокопоставленных управленцев.

Что касается организации работы служб безопасности, то эффективность их была бы выше, если бы задачи, стоящие перед ними,

были более конкретными. Пока же ФСБ одна борется и с терроризмом, и с наркомафией, и с иностранными разведками, и с коррупцией, и с многими другими вызовами современности.

– Говорят, бывших работников госбезопасности не бывает. Вы согласны с этим мнением?

– Ну, раз говорят... Но в 1997 году, когда мне исполнилось 50 лет, я уволился из органов. Меня пригласили на работу в Корьямму заместителем генерального директора Котласского ЦБК по безопасности. На этой должности я проработал до 2015 года.

– В этой вашей новой работе вам пригодился опыт службы в органах безопасности?

– Именно следование подходам, которыми мы ранее руководствовались, работая в органах государственной безопасности, помогло достичь высокого уровня защиты интересов предприятия. Здесь и наше участие в кадровой политике, в оценке потенциала подрядных организаций и других смежников, в комплексном анализе всей поступающей к нам информации. Наиболее ярко зрелась нашей службы проявилась при защите комбинаата от попытки его рейдерского захвата. Тогда удалось не только благоверменно узнать планы захватчиков, но и грамотно организовать защиту как персонала, так и материальных ресурсов. Наш опыт получил высокую оценку и стал объектом изучения службами безопасности других предприятий корпорации.

Уходя с поста, я подготовил себе замену. Но не оборвал связей со своими коллегами. Всегда готов помочь им и словом, и делом. А в канун столетия службы государственной безопасности поздравляю всех сослуживцев по работе в КГБ, ФСБ и коллег по работе в службе безопасности группы предприятий «Илим». Доброго всем здоровья, большого личного счастья, успехов в работе и чистого неба над головой!